

АЛЕКСАНДР БЕЛИЧ О РУССКИХ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Милана ЖИВАНОВИЧ

Прибытие в результате революционных событий 1917 г. и гражданской войны в России (1918–1922) 41 000 – 44 000 русских беженцев [Јовановић 1996, с. 186] в новооснованное государство южных славян – Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) в период с 1919 по 1923 г. в ходе пяти крупных волн, – повлекло за собой необходимость организации и координации государственной системы приема, устройства и размещения эмигрантов. Вся политическая система КСХС была задействована для оказания помощи и поддержки беженцам, оказавшимся в непростой ситуации. Кроме ведомств и новооснованных учреждений очень большую роль в этом плане сыграли отдельные лица [Јовановић 1996]. Среди них стоит выделить выдающегося ученого-филолога и академика Александра Белича.

Александр Белич родился в 1876 г. в Белграде. По окончании Первой мужской гимназии в сербской столице в 1894 г. он поступил на историко-филологическую кафедру Великой школы в Белграде (с 1905 г. – Белградский университет). Однако потом перевелся учиться в Российскую империю – в Новороссийский университет в Одессе, где окончил два курса. Получив стипендию Министерства просвещения Королевства Сербия, Александр Белич вновь сменил место учебы – последующих два года он учился в Императорском Московском университете, который окончил в 1899 г. и вернулся в Белград. Его пребывание в сербской столице оказалось кратковременным и вскоре Белич отправился в Германию, где защитил свою докторскую диссертацию в 1900 г. Ученый-филолог потом снова вернулся в родной город, где стал профессором Великой школы в Белграде. В 1906 г. в возрасте 30 лет он стал действительным членом Сербской королевской академии [Ђупић 2004, 473; От чужих к своим 2016, с. 11, 13; Сборник радова 1976; Гудков 1999, с. 151–153]. Спустя всего четыре года, в

декабре 1910 г. Александра Белича при инициативной поддержке А.А. Шахматова избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук [Гудков 1999, с. 153; Živanović 2025, p. 99].

Во время Первой мировой войны ученому была доверена важная задача продвижения национальной программы объединения южнославянских народов в России. Александр Белич находился здесь в течение нескольких месяцев в 1915 г. и потом в 1916–1917 гг. Россию академик покинул в октябре 1917 г., незадолго до прихода к власти большевиков [Трговчевић 1986, с. 33–34, 40–44, 114, 116–122; Милорадовић 2015, с. 15–25; Бајин, Радивојевић 2023, с. 358].

Спустя всего полтора года после отъезда Александра Белича из России на родину в ходе первой беженской волны стали приезжать подданные бывшей империи [Јовановић 1996, с. 98–99]. Ученый был одним из тех лиц, которые сразу взялись за дело. Внося огромный вклад в дело оказания помощи и поддержки русскому эмигрантскому сообществу, он стал «центральной фигурой всех основных акций русского Белграда». [Сорокина 2022, с. 122]. Этому способствовали как его личные качества, научные и персональные связи с представителями русского сообщества, так и высокий пост, который Беличу доверили. В июне 1920 г. Александр Белич был назначен вице-председателем Государственной комиссии по приему и устройству русских беженцев (потом – Государственной комиссии по делам русских беженцев), которая ведала всеми вопросами, связанными с приемом и размещением беженцев, в дальнейшем – с выделением финансовых средств на их размещение. Постепенно расширив объем деятельности и увеличив свое влияние, комиссия стала влиятельным учреждением в КСХС в межвоенный период [Јовановић 1996, с. 83–84]. После того, как председатель Комиссии Любомир Йованович ушел из политики по состоянию здоровья, в 1927 г. Белич возглавил эту институцию [Недельковић 2010, с. 154; Gulić 2018, s. 41]. На посту председателя комиссии ученый оставался до 1940 г. [Јовановић 1996, с. 84, Živanović 2025, p. 102].

Являясь покровителем акций представителей русского эмигрантского сообщества в Белграде, Александр Белич часто принимал участие в их мероприятиях, особенно в сфере культуры

и науки, публично выступал и делился своими соображениями по вопросам исхода русских, их достижений и самой эмиграции. Его размышления о русском народе, его культуре и русской эмиграции заслуживают внимания. В данной статье мы их проанализируем.

8 июня 1925 г. в среде русской эмиграции в Королевстве СХС, а также в других странах русского рассеяния, был торжественно отпразднован День русской культуры, приуроченный ко дню рождения А.С. Пушкина. К торжествам в Белграде присоединились и выдающиеся представители местного научного сообщества. В актовом зале здания Белградского университета состоялось торжественное заседание, на котором присутствовали представители сербской и русской эмигрантской интеллигенции. Заседание открыл президент Сербской королевской академии, выдающийся ученый Йован Цвийич, который говорил о роли русской культуры. Следом за президентом академии выступил Александр Белич [Дан руске културе 1925, с. 4, 5]. Ученый остановился на развитии русской культуры и ее достижениях: «Почти во всех областях человеческого духа и знания Россия показала в XIX веке такой подъем, что человек часто стоит в недоумении перед его блестящими проявлениями, которые обнаруживались иногда при самых тяжелых условиях. <...> Во всех отраслях, в которых русская культура могла развиваться до мировой войны, она развивалась сильно, с широким размахом и свежестью. Она быстро достигала самых высших вершин и с легкостью и необычной творческой силой умела создавать новое, носившее отпечаток индивидуальности, своеобразного русского духа» [Гудков 1999, с. 155]. Правомерно восхваляя русскую культуру, отметив ее «блестящие результаты», академик четко обозначил ее предпосылки – «особенные способности русского народа к ее восприятию и его особенный творческий дух, которым русский народ одарен в высокой степени» [Там же]. Хотя его выступление было посвящено прошлому, Александр Белич не стал скрывать свое личное мнение о будущем русской культуры, выразив уверенность в том, что она воскреснет из «пепла революции» и «вновь займет высокое место среди мировых культур» [Дан руске културе 1925, с. 5].

Выступление Белича на открытии IV-го съезда русских академических организаций за границей, состоявшегося в сентябре

1928 г. в Белграде, было посвящено современности, точнее русскому научному зарубежью. Ученый, принявший весьма деятельное участие в подготовке и проведении этого мероприятия, а также Первого Съезда русских писателей и журналистов за границей, состоявшегося спустя всего несколько дней после съезда ученых в югославской столице [Бакунцев 2017, с. 72], в ходе своего выступления остановился на достижениях русской эмиграции, которая «явила всему миру апофеоз победы духа над плотью. Победа эта нашла прекрасное выражение в подвиге русской науки за рубежом. Нерукотворный памятник духовной силе России и русской культуре воздвигла русская зарубежная наука» [Открытие 4-го 1928, с. 1]. В качестве примера и подтверждения своих слов академик привел «ее новые научные ценности» и ее сегодняшнее состояние: «Она в расцвете своих сил, она имеет мировое значение» [Там же].

Приветствуя от имени Белградского университета и Сербской королевской академии участников Первого Съезда русских писателей и журналистов за границей, Александр Белич вновь говорил о русской культуре, которая «гигантски развилась» в XIX веке: «Как буйный горный поток, затопляющий своим разливом все долины, так и она разлилась по всему миру, и как начался от Пушкина ее золотой век, так и продолжается он до сих пор» [Речи 1928, с. 2]. Белич подчеркнул, что среди участников Съезда находились «светлые представители» русской журналистики и литературы, которые «продолжают блюсти ее великие традиции», не забыв при этом ни тех, которые остались в «ныне существующей России»: «Несмотря на все ограничения человеческого права и человеческой свободы, эта часть русской культуры была так сильна, что она не может быть угашена совсем» [Там же]. Русскую культуру сербский профессор назвал «великой и общечеловеческой», свидетельствовавшей о гении русского народа [Там же]. По сведениям, опубликованным в русской эмигрантской газете «Новое время», речь А. Белича сопровождалась «бурными одобрениями слушателей, переходящими в долгую овацию» [Открытие Съезда 1928, с. 3].

В фонде Белича в Архиве Сербской академии наук и искусств в Белграде сохранилась еще одна рукопись, составленная

академиком и адресованная русским писателям и журналистам. Нам не удалось установить, когда именно эта речь была произнесена, так как она не была напечатана в русской эмигрантской прессе. Тем не менее считаем немаловажным процитировать ее, поскольку в ходе своего выступления А. Белич остановился на про-русских настроениях сербского общества и эмоциях, которые оно испытывало по отношению к русским: «Мы выражаем те чувства, которые мы никогда не перестали выражать. <...> по воле рока русским писателям и журналистам пришлось это узнать, когда им было суждено прервать свою трудовую жизнь в России и понести тяжелый крест изгнания... Этот перерыв жизни в России дал только возможность русским присмотреться к тому, что совершается на чужбине, и им казалось, что они в нашем народе открыли что-то особенное, его горячее чувство уважения и любви к себе, к русским... Но, господа, открытие только в том, что русские узнали эти чувства, но ни в коем случае в самом факте их проявления...»¹ Академик указал на корни этих настроений, ставшие частью национального самосознания: «Эти чувства настолько старые у нашего народа, у наших родителей и предков, что всякая благодарность со стороны русских кажется нарушением внутренней гармонии наших чувств <...> Мы выражаем только то, что давно сложилось в нашей душе.... <...> Но, господа, как бы чувство этой благодарности ни было велико, как бы ни было позволительно политикам основывать свои планы на проявлении благородных чувств, не это таилось в душе нашего народа, который скорбел о выпавшем бедствии на русский народ, а искренне глубокое чувство любви нашего народа к русскому, представляющее составной элемент его национального самосознания»². Отметив, что эти чувства «слагались в трудные, тяжелые минуты нашей жизни, как они слагаются и теперь», ученый заверил, что «они в муках рождались и они не исчезнут уже никогда...»³.

Как было указано выше, в 1927 г. Александр Белич стал председателем Государственной комиссии. Но спустя год после

¹ АСАНИ. Ф. 14386. III-2468. Л. 1.

² АСАНИ. Ф. 14386. III-2468. Л. 1.

³ АСАНИ. Ф. 14386. III-2468. Л. 3.

данного назначения он возглавит еще одно важное учреждение. На этом посту ученый осуществит немало важных для русской культуры проектов.

Русский культурный комитет был создан в 1928 г. на основе соглашения Министерства иностранных дел и Министерства просвещения Королевства СХС с Президиумом Государственной комиссии по делам русских беженцев. Членами этого югославского государственного учреждения были назначены несколько человек, в том числе Александр Белич⁴. На первом заседании комитета, состоявшемся 29 мая 1928 г., Белич четко обозначил цель его деятельности: подъем и развитие тех граней жизни, «без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни – науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей чести славянства место» [Косик 1992, с. 26]. В соответствии с этими целями на заседании было принято решение об учреждении Русского научного института и художественных студий – музыки, живописи и театра, Русской публичной библиотеки, русского литературно-художественного журнала и русского книгоиздательства [Там же]. А. Беличу было поручено в окончательной форме согласовать устав Русского научного института, который был введен в число учреждений комитета, с представителями русских ученых⁵. Одновременно председателем самого Русского культурного комитета избрали Александра Белича [Косик 1992, с. 26].

В том же году в соответствии со статьей 19 Устава Русского научного института академик Белич был избран и в состав правления Института как представитель югославской науки. В январе 1938 г. по случаю десятилетия Института, совпавшего с шестидесятилетием со дня рождения и сорокалетием ученой деятельности А. Белича, академик был избран почетным членом Института. Согласно Уставу почетными членами могли стать лица, оказавшие Институту крупные услуги или пользовавшиеся известностью благодаря своим выдающимся научным трудам. В составленном по этому поводу и по поручению правления докладе П.Б. Струве и

⁴ ИАБ. Ф. 6. Оп. ТД. Д. 27–33–1931.

⁵ АВПРИ. Ф. 566. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 5.

А.В. Соловьева были отмечены заслуги А. Белича по отношению к русской науке и культуре, а также его заботы об Институте [Десятилетие 1938, с. 8–9].

Кроме вышеуказанных вопросов, Русский культурный комитет займется осуществлением еще одного важного проекта – строительства Русского дома, получившего имя российского императора Николая II. На заседании Русского культурного комитета, состоявшемся 2 февраля 1930 г., после того, как был заслушан доклад о необходимости постройки Дома, собравшиеся решили уполномочить Александра Белича войти в переговоры с Василием Николаевичем Штрандтманом, председателем Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции, относительно аренды части принадлежащей Русской миссии земли для постройки на ней Дома и с архитекторами для составления проекта и сметы постройки Дома⁶. Дело в том, что после формального закрытия российского императорского посольства в Белграде в марте 1924 г. оно было переименовано в Делегацию, за которой сохранялось помещение посольства [Јовановић 2005], а сама земля оставалась принадлежавшей российскому государству⁷.

В ходе переговоров В.Н. Штрандтман уступил для постройки Русского дома большой участок территории бывшего российского посольства [Живанович 2019, с. 357]. Уже 10 апреля 1930 г. после того, как на заседании был заслушан проект постройки Дома, было постановлено утвердить проект в общем, собравшиеся поручили именно Беличу рассмотреть детали постройки⁸, которая и началась в 1931 г. Строительство Русского дома обошлось югославской государственной казне в сумму около 9 миллионов динар (без стоимости земли), номинально здание было построено на деньги Русского культурного комитета [Живанович 2019, с. 357–358].

Торжественное открытие Русского дома имени императора Николая II состоялось 9 апреля 1933 г. [Ђурић 1990, с. 40–41]. Председатель Русского культурного комитета академик Александр Белич выступил с приветственным словом, назвав русских «наши-

⁶ АВПРИ. Ф. 566. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 41.

⁷ ИАБ. Ф. 6. Оп. ТД. Д. 27–33–1931.

⁸ АВПРИ. Ф. 566. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 43.

ми братьями» [Русский дом 1933, с. 5–6]. Но более важной оказалась речь, которую ученый произнес на открытии. Очень эмоционально он говорил о причинах исхода русских с родины. События в России, происходившие во время «тяжелой и затянувшейся войны», Белич назвал «невиданной и неслыханной катастрофой, которая уничтожала все, что в нем было национально и культурно, все что верило в Бога и в современную мировую цивилизацию» [Там же, с. 31]. Отъезд из России «тех, кто чувствовал себя русским, и кто еще мог спастись», он охарактеризовал как единственный способ избавления: им «не оставалось ничего другого, как искать спасения вне Родины, теряя имущество, домашний очаг, а подчас и детей, и родителей» [Там же, с. 31]. Затем Александр Белич подчеркнул, что подобного рода изгнание являлось чуть ли не уникальным явлением: «Немного есть примеров в истории человечества, чтобы люди, так жестоко выкинутые из своих домов и с земли своих предков, нашли в себе столько духовной силы и мужества, чтобы безропотно нести тягости создавшегося положения» [Там же, с. 31–32]. Это, по словам ученого, доказывало, «что у этого поколения русского народа было достаточно и воли, и силы для отпора неслыханному насилию, если бы это насилие не налетело так внезапно и так предательски, заставши врасплох эту культурную и народную русскую силу неорганизованной и разбросанной по всем концам обширной страны. Эту чуть ли не сверхчеловеческую силу русским беженцам дал святой образ, который они так непосредственно, чисто и так скрыто от всех других, несут в глубине своего сердца: великая, безграничная Россия, ее несчастья и ее судьба, ее прошлое и ее будущее...» [Там же, с. 32]. Начав в таком духе новую жизнь на чужбине, в том числе в Королевстве Югославия, русское эмигрантское сообщество, по мнению Белича, «хотя бы и непосильным трудом, добивалось только одного: до нового воссоединения России сохранить жизнь свою» [Там же, с. 32].

Не только ученый был поражен силой русского народа и его желанием совершать новые достижения в совсем иных условиях: «Еще раз Россия, хотя и с трагическим венцом мучения, блеснула своим старым блеском. Оказалось, что русские люди и за границей своей поруганной родины могут еще много дать старой мировой культуре, что они могут все еще что-то показать и в науке, и в ис-

кусстве, и в Европе и в Америке, не говоря уже об остальных континентах, что и для их старых и новых, но очень передовых народов, может быть, и ценным и весьма полезным. Хотя только незначительная часть того, что Россия таила в своих недрах, дошла теперь до ведения иностранцев, все-таки и она была достаточна, чтобы пронеслась миром культурная струя славянского духа исключительной красоты и силы. И не только это. И русская обиходная культура и то образование, которое получали заурядные русские люди, были также достаточны и сильны, и всесторонни, чтобы в состязании с культурными иностранцами не только получить право на жизнь, но и обеспечить своим носителям существование» [Там же, с. 32–33]. Более того, по словам академика, эта победа русской культуры была бы еще значительнее, если бы некоторые государства не ограничили свободу применения и знаний и труда русских интеллигентов. Остановившись на «действительно существенной культурной помощи», которую представители русского зарубежья оказали одной части югославского государства, Сербии, «полуразрушенной, замученной, лишенной многих сотен тысяч лучших своих сынов, павших на войне», Александр Белич произнес пророческие слова: «Пройдет еще очень много времени и в строительстве новой культурной жизни нашей страны, все еще будет чувствоваться участие в ней русских интеллигентов, у нас живших» [Там же, с. 33]. Действительно, вклад русских белых эмигрантов в науку и культуру Сербии чувствуется до сих пор.

В ходе своего выступления Белич также высказал критические замечания в адрес «всего внеславянского мира, охотно говорившего об отсталости России, об этом огромном славянском медведе, не признававшего за Россией ничего, кроме ее очевидной величины и многолюдности» [Там же, с. 33]. Этот мир, по словам ученого, «забыл о своих насмешливых выражениях, когда очутился непосредственно лицом к лицу с русской культурой» [Там же, с. 33]. Именно «богатство своей культуры» русские принесли с собой на чужбину: «Так насильственно вывезенная русская культура в лице измученных беженцев раскрыла миру и в их труде, и знаниях, показала, как ошибочно недооценено было значение этой культуры и ее силы» [Там же, с. 33–34]. При этом, академик сам четко обозначил, какую задачу южнославянское государство ставило пе-

ред собой: «Помочь им сохранить в молодом русском поколении русский дух и подготовить его к продолжению того, что ради него и ради России сберегли их родители как величайшую драгоценность – русскую национальность и русскую культуру» [Там же, с. 34].

Закачивая свою речь, А. Белич выразил уверенность в воскресении России. Говоря о радости, смешанной с горечью и печалью, что «мы еще видим Россию в оковах», он заявил, что «наша вера тверда, Россия вечна и с этим нынешним несчастьем она справится также, как справлялась с ними на протяжении своей истории, следуя гигантскими шагами к своей славе и величию» [Там же, с. 38–39]. При этом в черновом варианте выступления Белича упоминалась печаль, что «наших дорогих русских из сегодняшней России мы не видим здесь среди нас»⁹. Слова о возрождении России были сформулированы следующим образом: «Дай Бог, чтобы она освободилась от оков»¹⁰; «Россия вновь вернется на путь справедливости и правды, настоящий русский дух снова прорвется»¹¹. В черновом варианте выступление заканчивалось кличем: «Да здравствует славянская Россия!»¹²

Своими соображениями о России и русских Александр Белич поделился и с русским академиком Петром Бернгардовичем Струве (1870–1944) по его просьбе. В недатированной рукописи сербский академик рассказал о том, что у него «уже давно на душе накопилось»¹³. Александр Белич вновь остановился на достижениях Российской империи в сфере культуры: «Я вижу Россию в ее культурных подвигах, давших за одно столетие слишком огромные результаты. Никто из народов мира, приобщившись к европейской культуре, не стал так быстро в ряды ее первых двигателей, как русские, и не проявил столько истинного и глубокого творчества, как они. Разве это не победа духа, вытекающая как следствие из создавшегося на безграничных пространствах ее земли великого на-

⁹ АСНИ. Ф. 14386. III-2491. Л. 13.

¹⁰ АСНИ. Ф. 14386. III-2491. Л. 13.

¹¹ АСНИ. Ф. 14386. III-2491. Л. 11.

¹² АСНИ. Ф. 14386. III-2491. Л. 11.

¹³ АСНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 3.

рода»¹⁴. Но по словам ученого, все эти «значительные победы не получаются даром»¹⁵, так как испытания, которыми они обуславливаются, были таких же больших размеров, как и сами победы. Охарактеризовав события в России как «настоящее несчастье, постигшее многочисленную часть русского народа» и носившее все «характерные черты той медленной борьбы русского человека с элементами, которую он ведет испокон веков», Александр Белич выразил уверенность в том, что Россия в будущем станет «демократической и национальной»¹⁶. Он также остановился и на русской эмиграции. Ученый был поражен «терпением и философской мудростью»¹⁷, с которыми русские сумели примириться с судьбой: «Перед этим проявлением свежих народных сил нельзя было не преклониться. Это не значит, что катастрофа от этого стала меньше, но это показывает, что русский человек сумел ее связать своим творчеством и жизненными силами с прошедшим и будущим и дать ей, так сказать, уже историческое значение. Разве это не новая победа, на этот раз над самим собой. Вместо того, чтобы подчиниться похоронному звону и лечь заживо в могилу, он поборол смерть в себе и зажег огонек воскресения»¹⁸. Исходя из предположения, «что русский народ везде один», ученый счел, что «внутренняя, тихая, но плодоносная эволюция должна была пройти и у тех, кто живет в России и кто был свидетелем там совершившегося. Если бы этого не было, исторический ход событий прошлого России был бы непонятен. И точно также было бы непонятно, если бы обе победы, по естественному развитию русского человека подготовляющиеся и тут, и там, не соединились бы в момент своего достаточно, зрелого развития в великое русское, и я могу свободно сказать, несмотря на несогласие, которое в этом отношении существует, – славянское и общечеловеческое торжество»¹⁹.

¹⁴ АСАНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 2.

¹⁵ АСАНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 2.

¹⁶ АСАНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 2.

¹⁷ АСАНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 2.

¹⁸ АСАНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 3.

¹⁹ АСАНИ. Ф. 14386. III-2470. Л. 3.

Став уже с приезда первой волны русских беженцев их покровителем, Александр Белич остался последовательным в своих действиях на протяжении всего межвоенного периода, в том числе в тот момент, когда в 1940 г. власти Королевства Югославии решили установить дипломатические отношения с СССР [Milošević 2002]. В 1940 г. ученый, который с 1937 г. являлся президентом Сербской королевской академии [Тупић 2004, с. 473], поборолся и за сохранение возглавляемой им Государственной комиссии по делам русских беженцев. С учетом того факта, что в недатированной рукописи под названием «К вопросу о русских эмигрантских учреждениях» отмечалось, что она существует уже 20 лет, мы можем предположить, что рукопись создавалась в 1940 г., в тот именно момент, когда Королевство Югославия признало режим в Москве. К тому же в тексте говорится, что Делегация, ведавшая интересами русской эмиграции, упразднена²⁰, что произошло как раз в 1940 г. В письме А. Белич отметил, что Государственная комиссия являлась всемирно известным учреждением, которое лучшим образом урегулировало все вопросы, входившие в ее обязанности: она предоставляла финансовую помощь русским беженцам, оказывала поддержку русским беженским медицинским учреждениям и учреждениям социального обеспечения. Ученый отметил, что Комиссия всегда справлялась с задачей, более того, объем ее работы увеличился, так как в круг ее ведения попали и вопросы, связанными с жизнью самих эмигрантов и их моральными и духовными нуждами. Белич также подчеркнул, что сама организация никогда не затрудняла работу самих властей и не создавала трудности. На ее содержание выделялись минимальные средства. Поэтому академик призвал не упразднять Комиссию, так как не было никаких причин для ее ликвидации²¹. По-видимому, упразднение Государственной комиссии предполагалось принятым Постановлением об учреждении и работе Центрального управления по вопросам беженцев в Королевстве Югославия. Президент Сербской королевской академии подчеркивал, что передача обязанностей Государственной комиссии данному учреждению означала бы ее фактическую лик-

²⁰ АСНИ. Ф. 14386. III-2477. Л. 1обр.

²¹ АСНИ. Ф. 14386. III-2477. Л. 1.

видацию и тем самым, затрудняла бы работу Центрального управления, а само управление не могло бы предоставить комиссии статус автономного учреждения. Однако Александр Белич приветствовал решение о передаче всех беженских организаций под контроль Правительства. Поэтому ученый предложил сохранить Государственную комиссию, не передавать ее обязанности какому-либо другому учреждению и подчинить ее не Министерству иностранных дел страны, как было до этого, а Правительству²².

А. Белич также остановился и на ликвидации Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции. Решением Министерства иностранных дел Королевства СХС от апреля 1924 г. Делегация была официально признана как институт, ответственный за помощь в урегулировании правового статуса русских беженцев. На фасаде здания бывшего российского посольства по-прежнему находился российский императорский двуглавый орел и был вывешен национальный российский флаг [Јовановић 2005]. В своем письме президент Сербской королевской академии высказался за сохранение Делегации и предложил создать из нее Общее объединение русских эмигрантов, которое имело бы свое правление и председателя, выбор которых подтверждали бы соответствующие органы государственной власти²³.

Однако до декабря 1940 г., согласно сведениям, опубликованным в русской эмигрантской прессе, не был учрежден орган, который бы, в той или иной форме, выполнял эту функцию Делегации [Н. З. Р. 1940, с. 18]. Накануне приезда советских дипломатов в Югославию В.Н. Штрандтман снял российский двуглавый орел со здания бывшего российского посольства/Делегации [Маевский 1966, с. 284]. Спустя всего несколько месяцев, в апреле 1941 г., с началом вторжения Германии и Италии в Королевство Югославию и последовавшими капитуляцией и оккупацией страны положение представителей русского зарубежья кардинально изменится.

Размышления Александра Белича о русском народе, его культуре, русской эмиграции и самой России основываются не только на исторических фактах и объективном анализе истории

²² АСАНИ. Ф. 14386. III-2477. Л. 1обр.

²³ АСАНИ. Ф. 14386. III-2477. Л. 2.

Российской империи и русского зарубежья. Годы пребывания академика в бывшей империи, связи с ее интеллектуальными кругами и его прорусские настроения несомненно повлияли на его позиции. Особые чувства к этой стране, которой уже не было, – ученый испытывал и после 1945 г. Вспоминая годы своей учебы в России в ходе своего выступления на заседании Ученого совета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в июне 1947 г., Александр Белич, которому присвоили звание почетного профессора [Гудков 1999, с. 158], признался: «И если бы тогда моя родина не потребовала от меня услуг, я, наверное, никогда бы не оставил своей *alma mater* и своих дорогих учителей, давших почувствовать мне, что Россия для меня вторая родина. Но все это давнее прошлое, хотя и никогда не перестававшее жить в моем сердце»²⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

АСАНИ – Архив Сербской академии наук и искусств

ИАБ – Исторический архив города Белграда

КСХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев

ЛИТЕРАТУРА

Бајин, Радивојевић 2023 – *Бајин З., Радивојевић М.* Мисија Александра Белића и Станоја Станојевића у Русији 1916–1917. године // Баштина. 2023. № 60. С. 345–362.

Бакунцев 2017 – *Бакунцев А.В. И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937)* // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91.

Гудков 1999 – *Гудков В.П. А. Белич – почетный профессор Московского университета* // Гудков В.П. Славистика и сербисти-

²⁴ АСАНИ. Ф. 14386. III-2137. Л. 2.

ка. Сборник статей. М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 149–158.

Дан руске културе 1925 – Дан руске културе. Стогодишњица Пушкинова рођења // Политика. 1925. 9 июня. С. 4–5.

Десятилетие 1938 – Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928–1938. Белград: б. и., 1938. 35 с.

Ђурић 1990 — Ђурић О. Руска литерарна Србија. Горњи Милановац: Дечје новине; Београд: Српски фонд словенске писмености и словенских култура, 1990. 300 с.

Живанович 2019 – Живанович М. Молот в руках красных: судьба Русского дома после 1944 года // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2019. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. С. 355–371.

Зборник радова 1976 – Зборник радова о Александру Белићу. Београд: САНУ, 1976. 469 с.

Јовановић 1996 – Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.

Јовановић 2006 – Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006. 560 с.

Косик 1992 – Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32.

Маевский 1966 – Маевский В.А. Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк: Издание Исторического Клуба, 1966. 366 с.

Милорадовић 2015 – Милорадовић Г. Борба за душе: српска пропаганда у Русији 1916. године // Историјске свеске. 2015. № 14. С. 15–25.

Недељковић 2010 – Недељковић С. Љуба Јовановић – државник из Боке // Зборник Матице српске за друштвене науке. 2010. № 133. С. 145–159.

Н. З. Р. 1940 – Н. З. Р. Русские в Югославии // Часовой. 1940. № 254. 25 декабря. С. 18.

Открытие Съезда 1928 – Открытие Съезда русских писателей и журналистов // Новое время. 1928. 26 сентября. С. 3.

Открытие 4-го 1928 – Открытие 4-го Съезда Русских Ученых // Новое время. 1928. 18 сентября. С. 1–2.

От чужих к своим 2016 – От чужих к своим: письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу. Белград: Логос, 2016. 331 с.

Речи 1928 – Речи, произнесенные на открытии Съезда русских писателей и журналистов в Белграде // Новое время. 27 сентября. 1928. С. 2.

Русский дом 1933 – Русский дом имени императора Николая. Белград: Издательская Комиссия, 1933. 56 с.

Сорокина 2022 – Сорокина М.Ю. Несостоявшаяся встреча: юбилей АН СССР (1945) и судьбы русской научной эмиграции в Югославии // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2022. № 1. С. 116–137.

Трговчевић 1986 – Трговчевић Љ. Научници Србије и стварање југословенске државе: 1914–1920. Београд: Народна књига; Српска књижевна задруга, 1986. 359 с.

Ђупић 2004 – Ђупић Д. Александар Белић // Српски биографски речник, књ. 1. А–Б. Нови Сад: Матица српска, 2004. С. 473–476.

Gulić 2018 – Gulić M. Politički predstavnici dalmatinskih Srba u vrijeme Kraljevine SHS/Jugoslavije // Jugoslavija-između ujedinjenja i razlaza: hrvatsko-srpski odnosi u kontekstu društvenog razvoja dve Jugoslavije 1918–1991. Beograd: Institut za savremenu istoriju, Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 35–66.

Živanović 2025 – Živanović M. Serbian Academician Aleksandar Belić and the USSR (early 1920s – late 1950s) // Tokovi istorije. 2025. № 3. P. 97–122.

Milošević 2002 – *Milošević M.* Uspostavljanje diplomatskih odnosa između Kraljevine Jugoslavije i SSSR-a 1940. godine // Istorijski zapisi. 2002. № 3–4. S. 99–124.